

Восковые

Бумага

МБУК "Ижемская МБС"

АДМИНИСТРАЦИЯ ИЖЕМСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ КОМИ
ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ
ИЖЕМСКОГО РАЙОНА

ВОСКОВЫЕ КРЫЛЬЯ

(СТИХИ)

Редактор Канев А. В.

Составитель Поташев А.

с. Ижма—1996 год.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ.

Уважаемый читатель, ты держишь в руках небольшую стихотворную книжку поэтов, живущих в Ижемском районе. Все они разные, и по возрасту, и по жизненному опыту, и по мере мастерства, но все они наделены талантом поэтического восприятия окружающего нас порою жестокого и несправедливого мира. Все они обладают своим трепетным взглядом на сущее и хотят поделиться с тобой своими душой и сердцем. А это в наше бездушное время корысти и стяжательства — гражданский подвиг. Так прими же этот подвиг в дар от них, будь взыскателен и снисходителен, пожелай им удачи на нелегком творческом пути.

Член Союза писателей России

Андрей КАНЕВ.

Игорь ГУЩИН

Нежно-розовый оттенок...
С голубыми лепестками
Иней нежится на стенах,
Елка светится огнями.
В этот вечер все затихло,
Только слышен стрелки шаг.
И свеча в руке не тухла,
Разгоняя полумрак.
Вздрогнет пламя — тени пляшут
Полусонно и устало.
Словно крыльями замашут
Птицы стаи полуопьяной.
На окне морозец вяжет
Тонкой нитью покрывало,
И, наверно, этой пряжи
У него еще немало.
И покажется, что сказка
Со страниц вошла в мой дом,
Стали тени в черных масках
Править бал сегодня в нем...

* * *

Ночь на землю тихо опустилась.
Хутор погрузился в крепкий сон,
Лишь одно окно еще светилось,
И играл негромко патефон.
Музыка лилась и наполняла
Мою душу грустью и тоской,
И тебя вновь память возвращала:
Ты с крыльца махала мне рукой.
Вспоминаю я, как твои слезы
Потекли на землю по щекам,
Там теперь две стройные березы
Кланяются северным ветрам.
Где же ты сейчас, моя родная?
Милая, любимая, святая,
Ты меня покинула давно.
Встретиться уже не суждено...

* * *

Я цветы всегда дарил
Милой при свиданье.
Был любим, и сам любил
Свой предел мечтаний.
Почему же так случилось,
Что расстались мы с тобой?
Может я попал в немилость?
Или встретился другой?
Я звоню тебе, как прежде,
А в ответ лишь тишина.
Жду и мучаюсь в надежде,
Мерзну ночью у окна.
А когда в толпе встречаю,
Ты не смотришь на меня.
Я тебя не понимаю,
Чем же провинился я?

* * *

Когда душа моя томится,
И сердце камнем тянет вниз,
Когда мне хочется напиться,
И жизнь моя — уже не в жизнь,
Я вспоминаю наши встречи,
Твою улыбку и глаза,
И тот последний дивный вечер
Я так хочу вернуть назад.
Ты, уходя, со мной простилаась,
Как будто встретимся опять.
Ты все куда-то торопилась,
Я не хотел тебя терять.
Я знаю: ты же где-то рядом
Проходишь, только не со мной,
Мне ничего уже не надо,
А ты все ходишь стороной.
Налью себе в стакан хмельного
И осушу его до дна,
И жить захочется мне снова —
В душе как-будто бы весна...

* * *

Белый снег кружился,
Землю покрывал.
Я тебя, красавица,
Все равно «достал».
От меня, от грешного
Трудно так уйти:
Ты не знаешь здешнего
Верного пути.
И не надо прятаться.
Среди белых скал.
Я не буду плакаться:
Ты — не идеал.
Все равно придешь ко мне,
Пусть и не сейчас...
Снег замерз в моем окне,
И огонь погас.

Федор ВОКУЕВ

Мне нравятся глаза зеленые, —
В них изумруда тайная печаль.
Ультрамарина и морской волны соленой
В глазах девичьих синих есть печать...
Лукавство светло-карих мне понятно,
И васильково-голубых — игра...
смородиново-черных глаз загадка
Весною заманила, завлекла...

* * *

А шар земной все так же вертится,
Бег времени — неумолим.
И два влюбленных сердца встречаются...
Жаль... это мы не повторим...
Иных мелодий звук чарующий,
Иных стихов звучит настрой,
Другой девчонки голосок волнующий,
Духов других совсем другой настой.
Другой парнишка светится улыбкою,
Иного сада шепчется листва...
Но и они узнают — счастье зыбко,
И сказаны, увы, не те слова...
Нет, не забыть той ночи луговой...
Порыва страсти наших душ родства.
Когда, укрывшись нежности волной,
Мы напрочь позабыли о словах,
Попали в сеть невидимых лучей.
И, слившись воедино, как на небе,
Мне не забыть сияние очей
И ласку рук, что пахли теплым хлебом.

* * *

Мне говорят — ты отступись,
Не лезь, куда не надо.
Мне говорят — не торопись —
Не велика награда.
Мне говорят — не прошибешь
Лбом равнодушья стены.

Мне говорят — не доживешь —
Кругом одни измени.

Мне говорят — не смейся ты,
Сарказм твой неуместен.

Мне говорят — не бейся ты, —
В одном все будем месте.

Мне говорят — ты разлюби, —
Любовью сыт не будешь.

Мне говорят — ты разруби
Гордыни мелкой узел.

Мне говорят... Неважно кто,
Советчиков хватает.

Мне говорят... Да мало ль что...
Душа не принимает.

А я в ответ им говорю:
— В советах не нуждаюсь.
Я ни за что не разлюблю,
Хоть, может и раскаюсь.

Мне говорят... В ответ — смеюсь,
Не ведая упрека.
Пусть говорят. Я не боюсь
Ни смерти, ни порока.

* * *

А я назло, а я . наперекор
Советам вашим и прогнозам
Крутого взгляда выдержу укор,
Не поклонюсь ветрам и грозам.

И не согнусь, пускай излом
Судьбы коварной груб и страшен.
Иду на «вы», и — напролом.
А результат? Не так уж важен!

Важней гораздо — быть собой,
Неповторимым в каждом миге,
Самим собой... хотя порой
Душа кровит в беззвучном крике.

Не смотри... Не оценивай с умыслом тайным,
Пригаси блеск улыбчивых глаз.
Ты поверь: эта встреча с тобою случайна,
И любви серенада звучит не для нас.
Это память — кокетка с шармом и грацией
Дарит юности пылкий глоток...
Не спеши... Да и надо ли за руки браться:
Через миг разнесет серых буден поток...

* * *

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ

От дикой, нестерпимой боли,
Казавшейся последнею чертой,
Не раз ты просыпался, словно в поле,
Где ранен был апрельской ночью той...
... И снова санитарные носилки,
Бинтов кровавых кутерьма...
Хирурга руки... Скрежет пилки...
И — тьма.
Беспамятство, отчет которому — не сутки...
Провал сознанья... Нежеланье жить...
Но слышатся сквозь «вату» чьи-то шутки,
Как будто вправду есть, о чем шутить.
И ты, превозмогая немощь тела,
Перешагнув через себя раз сто,
Все ж выжил. Жизнь в душе запела
За всех друзей, за братьев, но — никто
Не мог из них, ни павших, ни живущих —
Предугадать, какую боль в себе
Ты пронесешь.
Боль! Боль! Боль!
Пальцы горят в огне...
Боль... Боль... Боль...
Дикая боль в ступне!
Боль! Боль! Боль!
Ниже колена — ад...

Боль... Боль... Боль...
Жизни такой не рад!
Боль! Боль! Боль!
Снова хруст костей...
Боль... Боль... Боль...
Не разбудить бы детей...
И с новой силой бьется боль в солдате,
Вгрызается, терзает, нарастает...
Боль в той ноге, что в медсанбате
В далеком сорок пятом он оставил.

ПРИЗЫВ

Без будущего мир... Безумны люди,
Коль льется кровь и смута полнит души.
Как знать, что с нами завтра, люди, будет,
Когда не умолкают жерла пушек!

Очнитесь, люди! И остановись, рука,
Готовая нажать на кнопку пуска!
Еще не поздно, время есть пока,
Пока еще нам весело, не страшно...

Пусть миром овладеет тишина!
Покой и благо пусть обнимут землю!
Мы не хотим беды! К чему война?
В глубоких шахтах смерть в ракетах дремлет...

Валерий СТАНИСЛАВЧУК

* * *

Теряется надежда на добро,
Теряется надежда на любовь.
Тускнеет дух. Густеет в жилах кровь.
Что с нами происходит? Что за век?
И гибнет зверь. Звереет человек.
Метаморфоз не лучшее добро...
Мне в этом мире как-то повезло
Узнать тот странный симбиоз.
Таков итог. Судьбы апофеоз.
Теряется надежда на добро.
Теряется надежда на любовь.
Кричит душа. Густеет в жилах кровь.

1992 г.

* * *

Воспоминание старо,
Воспоминание не ново,
То острой болью отдается
В душе уставшей и пустой,
То вдруг бессонницей рядится,
То грустью тихой, как покой,
Но все зовет и все стремится
К началу жизни молодой,
К началу юности шальной.

1995 г.

* * *

Проходит юность
Поступью бесследной
Где мысли, где идеи, цели где?
Ее часов и до черты последней
Стеченьем их в незримой суете
Проходит юность.
Зрелость незаметно
Становится предвестием конца.

1995 г.

Смотрю, волнуюсь и скорблю
Уж снова осень за окном,
Ловлю себя, что не о том
Шептал мне лист.

И острой боли не поведав,
Уж умер, соразмерив век,
Ну, словно, может человек
Бег времени остановить.
Да, к сожалению, увы,
Мы тоже временные гости,
Теряя кремень наших уз,
Чураясь откровений сердца,
Скорбим в свободе кабалы
И душим грезами бесчестий,
За радость принимая похоть.
А нам ведь многое возможно
И в корне тоже изменить.
Надеюсь верить и любить.
Скорблю, на разум уповая.

1977.

Развит метель вишневым цветом,
Жужжаньем пчел ликует радость.
Что это — снов волшебных сладость,
Иль наважденье мира, света?
Да это май улыбкой нежной
Ведет по улице влюбленных.
И наполняет птичьим звоном
Всю нашу плоть и дух надежды.
Везде пьянит всех ликование
Весны: и в солнце, и в цветеньи.
Хочу, чтоб это воскресенье
В себе не знало окончанья.

1975.

О, эти милые уста,
И прядь волос на лбу высоком...
Теперь заманчиво — далекой
Ты стала. И уже не та.

Глаза — озера голубые,
Грустинку добрую несут
О счастье радостных минут.
Когда с тобою мы вместе были.
Мы есть, но новые стремленья
Нас увеличили в иные весы.
И вот мы рядом, но не вместе,
Так изменяет судьбы время.
Такие милые уста.
И голос нежный, как душа...
Я где-то истины страшась,
Твержу... Ты лучше, но не та.
1992 г.

ЛЮБИМАЯ!

К тебе порывы мыслю, как зерно,
Налитый колос — я твое начало.
Как испытанье время выжидало,
Как обновленье время нас свело.
Твоя улыбка, что весенний дождь,
Тепла, лучиста, влажная от слез,
Что радостью блеснули на щеке...
Я знаю, что прекрасней не найдешь
Такой судьбы: плечом к плечу.
Рука к руке.

ЛЮБИМАЯ!

К тебе порывы мыслю, как зерно,
Налитый колос — я твое начало.
Как искупленье время нас прощало,
Как исцеленье время нас свело.

* * *

1985 г.

Я знал любовь, как счастья добрый миг,
Я дружбу знал, как стержень многих дел,
Но я устал себя хранить в других,
Да, я устал, всему же есть предел.
Как отдохнуть от суэты мирской,
Где тот рубеж, где обновленьем веет,

Где утро начинается весной,
И мудростью свободы зреет?
Хочу постигнуть катастрофу духа.
Хочу постичь катастрофу духа.
Так помоги же мне, моя земля,
Так помогите мне, природы руки.
То поддержать, что сохранить сумел,
То обновить, что плесенью покрылось.
Хочу любви, как стержня новых дел,
Чтобы душа для радости открылась.

1991 г.

* * *

Мне грустно потому,
Что время протекает
Песком сквозь пальцы века
Бессущностью своей.
Мне страшно потому.
Мне страшно потому,
Что люди гибнут
В огне вражды и зла
За прожитую жизнь.
Мне стыдно потому.
Мне грустно потому,
Что таинства все нет
Добра, что долго ждал,
Что так и не пришло.
Мне страшно потому.
Я ненавижу тех,
Кто жизни прожигает
В чаду похмельном похоти идей.
Мне грустно потому.

1992 г.

Василий ИСТОМИН

ВОТ ТОГДА ОЧНУЛСЯ СЕМА

Все из дому — вот «холера» —
Продает. Пьет без меры.
Мясо утащил намедни,
У старушки чай последний.
В доме вор — житья не стало,
Со двора овца пропала.
Месяц Сема пьет безбожно,
Пропивает и одежду.
Век терять жена не в силах —
На развод подать решила.
Вот тогда очнулся Сема —
Мог остаться и без дома.
Нам всерьез, друзья, бы надо
Пьянству выставить преграду?

(Перевод с коми Н. Терентьевой.)

НОЧЬ

Ночь рассыпала звезды.
Чуток сон в тишине.
Кто-то в час этот поздний
Что-то видит во сне.
Белый месяц на страже
До зари, а пока
Замалеваны сажей
Над землей облака.
Нескупясь на пряжу
Из клубка тишины
Ночь тихонечко вяжет
Чьи-то чуткие сны.

ЗИМНЕЕ УТРО

За селом белизна бесконечна,
Не видны за рекою луга,
В белизне этой будто навечно
Поднялась над дворами пурга.

Разгулялся неистовый ветер;
Я по снежной иду целине,
И душа, словно вычурный веер,
В эту рань распустилась во мне.
Сердце радует даль Запечорья
Белоснежной своей бахромой,
Где луга и таежные взгорья
Завлекающе веют зимой.

ПАВШИМ ЗЕМЛЯКАМ

Опять весна с ветрами дружит,
Пробилась зелень из земли...
Но как земля о павших тужит,
Не зная, где они легли!
Наивна зелени беспечность
Лишь земляки узнали вечность
Той отгремевшею войной.
О них здесь память не остыла,
И в сердце каждого живет,
Но если б ведала Россия,
Куда их зыбкий след ведет,
В какие ветреные дали?
Умерьте, ветры, свой полет.
Вы павших часом не встречали?
Здесь май без них не так цветет.

Светлана КАНЕВА

А МНЕ ТАК ХОЧЕТСЯ ЛЕТАТЬ...

А мне так хочется летать...
В ночную тишину, о чем-то сладком
Мечта, как тихий свет лампадки,
В душе затеплилась опять.
Не о любви, она во мне
Осенним кроется ненастьем.
Несчастным, хоть не многим счастьем
Я рада жертвовать вполне.
Я исцелять хочу больных,
И воскрешать бесцельно павших,
И снова радовать родных
Хочу, как радовала раньше.
Молюсь — как чувствую, шепчу,
Не опускаясь на колени.
Уговорю ли я свечу,
Чтоб никогда вы не болели?
Болезнью тела и души,
Ты, настрадавшийся в дороге,
Лишь исповедуйся, скажи, —
Я о тебе напомню Богу.
И ты забудешь эту боль,
Она рассеется туманом.
В твоей судьбе играли роль
Как я, играю без обмана?
А мне так хочется летать...
В ночную тишину, о чем-то сладком
Мечта, как тихий свет лампадки,
В душе затеплилась опять.

1990 г.

ЗВЕЗДЫ

Вновь я гляжу на звезды.
В звездах Господнюю милость,
Если точнее, — слезы
Ночью увидеть силюсь.

Млечной дороги брозды —
Границы Его покоя.
Я б прикоснулась к звездам —
Не дотянусь рукою.
В каждой «слезинке» небо
Чье-то таит желанье,
Чью-то надежду. Мне бы
Только до зорьки ранней
Вымолить слез Господних,
Ну, хоть ничтожной дозы.
Вот от того сегодня
Я и гляжу на звезды.

1990 г.

ПРОСТИ

Прежде, чем уйти и не вернуться,
Ты захлопнуть двери не спеши,
А попробуй просто улыбнуться
И улыбкой дом наш освети.
Без ошибок жить никто не может,
И у всех у нас свои грехи.
Пусть Тебя мои не потревожат
Неприятной памятью стихи.
Эти дни пройдут, и будет счастье,
Только трудностей пору преодолей.
Ты сумей перебороть ненастье
И прости ошибки юных дней.
Все забудь: обиды, козни, ссоры,
Улыбнись и поцелуй меня.
Ведь двоим нам не страшны и горы,
Коль живу я только для тебя.

1989 г.

Татьяна КАНЕВА

УТОПЛЮ ГЛАЗА В ПРОСТОРАХ

Давно до дыр изношен мир,
Ни к черту, он, панове,
Его вверх дном перевернем,
Рычаг уж наготове.
Кончайте шум о том, что ум
Приходит лишь с годами.
То там, то тут года идут
В обнимку с дураками.
Осень вновь опять чаруя,
Красит мне мое житьё.
Не пойму, за что люблю я,
Но люблю свое бытьё.
Утоплю глаза в просторах
С косогора, средь травы
Сяду слушать тихий шорох
Опадающей листвы.
Что вы лаете, собаки?
Не боюсь, умерьте злость!
В глотку вам, чтоб подавились,
Суну я:
«Глодайте кость!».

ТОВАР В ЦЕНЕ — ГОНИ МОНЕТУ!

Вошла в обычай подлость, в мире нету
Ни честности, ни верности обету.
Перед бездарностью с протянутой
рукой
Стоишь и думаешь, быть ли сытым и
одетым?
От нищеты и бед ища защиты,
Отчаявшийся люд скитается по свету.
Зато невежда нынче процветает,
Его товар в цене — гони монету!

Мне мудрость шепчет: удались от мира.
Замкнись в себе, стерпи обиду эту.
Вам мой совет, упал — начни сначала,
Поверьте... и последуйте совету.

ПОЭТИЧЕСКИЕ РОССЫПИ

I

Срывай минуту, словно рвёшь цветок,
Пускай он выцвел, вылинял, промок.
Пусть держится едва, качаясь в поле,
Пусть облетел, пусть он к земле приник,
Сорви его, ведь самый горький миг
Есть воплощенье уходящей боли.

II

И свет не мил, и жизнь не хороша,
Когда страдает, мечется душа,
Когда тебя всего тоска изгложет,
Когда свинцом вокруг нальется тень,
Тебя издалека поманит день,
Который не забыт, но все же прожит.

III

Но не забвены и другие дни,
Коварно в память врежутся они.
От них не убежать, не откупиться.
Ты словно крест, влачишь их на себе
За то, что в чьей-то сломанной
судьбе
Твоя вина жестокая таится.

IV

Ты все отринь, не мешкай — живи!
Вкушай минуты сладостной любви,
Дарованной и выпавшей счастливо.
Испей росу прозрачную до дна,
В ней синева небес отражена,
И кротко шелестит над нею ива...

ВЗГЛЯД МОИ НЕ ПОГАС

День начинается задолго до рассвета.

Я слышу ... запоздалая весна,
В окно ударив нереальным светом,

Зачем' меня ты будишь ото сна?
Я думала, что я уже не слышу
Чудесные звучанья в дивный час,
И для лучей, позолотивших крышу,

Я думала, мой взгляд уже погас.
Но что-то в сердце вздрагивает сладко,
Как пробужденья жизни добрый знак.
Власть бытия — великая загадка —
Наружу рвётся, как весенний злак.

СЕРДЦЕ ПЛАЧЕТ СЛЕЗАМИ В НЕНАСТЬЕ

А мы разучились, наверно,
Быть простыми, не лгать, не юлить,
Не пришпоривать шпорами нёрвно
Злых коней бесприютной судьбы.
Разучились быть лучше и чище,
Видеть в каждом частичку себя.
Никого, ничего не любя,
Разучились шептать мы под утро
Тихо «здравствуй» в родное плечо.
И когда вдруг срываются звезды,
Не бывает уже горячо.
Прочертила свой след и погасла
Горстка пепла в остывшей дали,
Разучившейся верить и помнить

Однокой холодной земли...
Сердце плачет слезами в ненастье,
Капли больно ломают цветы—
Эти хрупкие стены несчастья
И сирени последней кусты.
Сердце плачет. Ну что ты,
Не надо. Он не понял,
Он после поймет.
Только как удержаться в ненастье,
В бездне боли. Обиды полет.
Сердце плачет, и капли тяжелой
След протяжный ладонь холодит,
И никто никогда не сумеет
Ни забыть, ни вернуть,
Ни простить.

Алексей КОНЬКО

КОСОВИЦА

По-над Ижмой-рекой распостерлись луга,
Полудикие желтые плесы,
Да в крутых обвалах ее берега,
Вдоль реки зеленеют березы.

А на этих лугах травы в пояс стоят.

У людей загорелые лица.

Только гул тракторов да косилки звенят.

Полным ходом идет косовица.

Вот и день пролетел, снова вечер настал.
Копны сена стоят лугового.

Потянулись уставшие люди на стан
Отдохнуть после дня трудового.

От костра догоравшего отблеск чуть-чуть.

И стреножены кони у стана.

Косари, притомившись, легли отдохнуть.

Завтра снова поднимутся рано.

Звезды в речку легли, опустились на дно.

Знать, погожий денёк предвещают.

Тихо стало вокруг, все уснули давно.

Лишь сверчки тишину нарушают.

НО ЛЕТО УХОДЯЩЕЕ МНЕ ЖАЛЬ

Стоят стога да высохшие травы,

И ветра чистого с прохладою порыв.

Да падает листва, кружась среди дубравы,

И скошены хлеба всех золотистых нив.

А там вдали, над лугом, пролетает

Гусей крикливых белый караван.

И медленно за горизонтом тает,

Их скрыл вдали невидимый туман.

Над лесом облака сгущаются седые,

Все реже проникает солнца луч.

Да ветром гнет деревья молодые.

И гром гремит среди небесных туч.

То молния сверкнет и все вокруг осветит.
Меж темных туч, как белая вуаль.
Пусть осень я люблю сильней всего на свете,
Но лето уходящее мне жаль.

* * *

В зеленый бор лесной зайду
И отдохну под свежей сенью,
В густые травы упаду
И буду слушать песнь весеннюю.

Свое усталое лицо
Я запрокину к небосводу,
Там радуга полукольцом
Из речки набирает воду.

На соснах выводки клестов,
Здесь птицы песни напевают.
И шмель мохнатый из цветов
Нектар душистый собирает.

Здесь жизнь своя, здесь мир иной.
И сердце трепетно забилось.
В фате березка надо мной
Невестой милой наклонилась.
И я дышу — не надышусь,
Хмеляя, как от поцелоя.
О, край ты мой, тобой горжусь!
О, Русь моя, тебя люблю я!

ОСЕННЯЯ ПОРА

В разноцветных красках золотая осень,
Облака сгостились, реже в небе просинь.
И пожухли травы на лесных полянах,
Да прохладой веют ветры над полями.
Осыпают листья над рекою ивы,
Отчего так грустно на душе, тоскливо?
Ах, не от того ли, что в чужие страны
С криком улетают птички караваны?
Пусть в стране далекой теплый ветер веет,
Но тепло чужое сердце не согреет.
И тоску, и горечь по родному краю

На тепло чужое я не променяю.
Здесь мне ветры песни навеяют звонко,
О березах белых, о родной сторонке.
И такой мне близкий и такой родимый
Красотой своею, край неповторимый.

ДУША ЛЮБВИ ПОЛНА

По ночам весною этой ранней
В синем небе светлая луна,
Жизнь полна весенним ожиданьем
И душа любви моя полна!
Может, кто-то вот такой весною
В переливах чудной красоты
Первую любовь свою откроет
И подарит первые цветы.
Соберется хоровод подружек,
Заиграет молодая кровь,
И кому-то голову закружит
Первая и робкая любовь.
Той весны букет неповторимый
Я с тобой как радость разделю.
Счастлив тем, что я тобой любимый,
Счастлив тем, что я тебя люблю.

ОСЕНЬ

Осень и дожди заморосили,
Облака седые пеленой...
Я смотрю: вокруг меня Россия
Сыплет-сыплет желтою листвой.
Я смотрю, как в небе птичья стая
Разрезает клином небосвод.
Ах, куда же птицы улетают?
И каким их будет перелет?
И в груди так больно, сердце сжалось:
Все ли возвратятся по весне?
Почему всегда такая жалость
В эту сырость теплится во мне?

РОДИНА

В далеком детстве помню шум осин.
И тихим ветром рожь в полях качало.
Мне мать сказала: «Ты запомни, сын,
Все это Родины твоей начало.

Ты жизнь в другие страны не гони.
Отец и дед росли под этим небом.
Дышали русским воздухом они.
Своим кормились русским хлебом.

Оставиши Ру́сь, покинешь эти хаты,
В другой стране пусть выстроишь дворец,
Пусть будешь ты в чужой стране богатый.
Без Родины ты будешь не жилец.»

МАТЬ ПАВШЕГО СОЛДАТА

Вот у могилы мать стоит.
Седые косы распустила.
Она и плачет, и грустит —
Уж нет того, кого растила.

Ведь в том солдат не виноват,
Что рано в землю лег святую.
Лишь с фотографии солдат
Глядит на мать свою седую.

Она звала, звала его.
И опустилась ниц бессильной.
И вместо сына своего
Поцеловала крест могильный,

Валерий КОРЯГИН

БЕДАМЕЛЬСКИЕ ЛУГА

Все весной зальет вода.
С юга снова прилетают,
Перелетных уток стаи...
А вокруг озер студеных,
Зеленеет месяц май.
Бедамельские луга.
Еще не скошена трава.
Змейкой росная тропа,
Манит, водит рыбака,
Вокруг разлившихся озер.
Светел день, широк простор...
От цветения черемух
В сердце просится любовь.
Бедамельские луга.
Сенокосная пора.
Там среди увядших трав,
Поцелуя первый жар,
Кто-то сilitся сорвать...
Птичий щебет не понять...
То ли зорька начинается,
То ли все еще закат?
Бедамельские луга.
Куда ни глянь стоят стога,
На отаве серебрится
Иней проседью куницы.
Птицам в дальний путь пора.
Темной ночью у костра,
Лето пьяное приснится.
Ты в половодье,
Как мутные слезы,
Уносишь водою
Людскую печаль.
Очищаясь сама
В бурном, пенном потоке,
Зовешь человека —

— Смой с себя грязь.
— Или не прав я, Ижма-река? —
Что ты на это ответишь?
— А то и отвечу, —
Шепчет она.—
— Я твоя мать.
Долго ждала я вопроса.
Мальчишкою, помню, ты
камни бросал. —
Не в обиде была, —
несмысленыш.
Босиковое детство,
Потресканы пятки.
Помнишь, волною
Бралась их остужать?
Или рыбью я не кормила?
Или чистою я не была?
Что ж ты теперь, седой,
постаревший,
Окунуться боишься в
меня?
Почему ты на берег
Выходишь так редко?
Так же летом закат
Надо мною крылом.
Но почему-то я песен
Не слышу,
Очень редко, играет
гармонь?
— Вы услышьте сельчане,
Как стонет река,
Мать—природа как плачет—рыдает,
Были плохими мы сыновьями,
Внуки, быть может, поправят.

* * *

Ой, кукушечка,
Ты спозаранку не кукуй,
Не зови меня к себе,

В тьму сырую.
Слишком мало
Насчитала лет,
В арифметике ты,
Видно, слабовата.
Рановато списывать меня:
Ты одна, а у моих детей
В жизненный полет
Еще не распрымились
крылья.
Так что ты, кукушечка, не
кукуй!
Настанет время, выбьюсь
я из сил,
Только не по зову
твоему.
И не умру я, нет.
Утренним окутаюсь
туманом,
И в другое измеренье
перейду.

* * *

Куча, Шор—Куча, лесная тропа.
Извилисты речки, студена вода.
Хариус мушку чуть-чуть прихватил,
Дернулась леска, момент упустил.
Досада берет, да еще комары,
Солнце печет, хоть бы ветер подул.
Шагаю, рыбачу. Песчаный мысок...
Не пора ли чайку? Разведу костерок.
Ели и сосны, да лиственница кроны,
Тут же смородины черной кусты,
К грузинской заварке листочки добавил,
Напиток таежный попил от души.
Снова иду: подъемы и спуски,
Рыба не часто, но все же берет.

Вот и затесы, тропа до избушки,
Лесная обитель на отдых зовет.
Ночь коротка, отдохнул три часа,
Надо, пожалуй, собраться.
По холодку да под пение птиц,
Легче до дому добраться.
Вышел на Аныб,— считай, уже дома.
Сел на валун небольшой.
Видны с той поляны холмистые дали,
Леса отдают синевой.
Сижу, отдыхаю, родная сторонка,
Горжусь и любуюсь тобой.
Двое суток бродил, но доволен судьбой.
Радостно детям: папка вернулся,
Будет сегодня уха.
«Где тебя носит? Какая нужда?»—
Рюкзак мой снимая, воркует жена.

Александр ПОТАШЕВ

Ни звонка, ни письма... Тишина.
Завтра верой угаснет она,
Что метель далеко не со зла
Снежной грустью следы замела.
Ухожу, а куда — не пойму.
Снеговей, а на сердце дожди.
Ах, метель, не гони, подожди,
Не учи привыкать ко всему.
Я привык уж. Чему тут учить,
Уходя, возвращаться к тебе?
Помоги мне еще раз в гульбе
Эту пору «дождей» проскочить,
До поры, как запросит огня
По весенней пульсации кровь.
Не ревнуй, если кто-то меня
У тебя позаимствует вновь.

АПОКАЛИПСИС В МОЕМ ПОНИМАНИИ

Как вечен миг.
Как минимальна вечность —
Я не постиг
Зачитанную млечность.

Как низок взлет.
Как высоко паденье —
Вселенских нот
Мне не понять значенья.

Как терем свет.
Как мрак безбрежно светел —
Свой черный след
Я как-то не заметил.

За то и «месть»,
Благой снисходит вестью
В венце Его созвездий...
Но здесь трехзначна «шесть».

СОРВИ—ГОЛОВА

Просквозила чувственность бродягу.
Сколько жизни выдать в кило-герцах
Каждому готово бедолаге,
Сквозняком распахнутое сердце?!

Гражданин страны сорви—головых,
Он душой нисколечко не тесен.
Каждому понятен с полуслова
Ветерок его беспечных песен.

Сколько просьбы выражено в сутрах
Грез его «Далекой» воспаленных.
Каждому залито солнцем утро
Благодати глаз его влюбленных.

* * *

Поищи меня там,
Где веселую спесь
Явит бледный рассвет
Облетевшим кустам.
Поищи меня здесь,
Где под уличный бред
В полумрак наугад
Замечтался закат.
Где дневная возня
После ливневых спазм,
В понимань ином,
Покидая меня,
Обратилась в оргазм,
Обливая вином
Поцелуев твоих
В эту ночь на двоих.
Поищи меня в том,
Чьим случайным «Агу»,
Два начала своих,
Как смыкающий штрих
Брешь в любовном кругу,
Воскресим до утра,
Так, как было вчера,
Как возможно потом.

ВОСКОВЫЕ КРЫЛЬЯ

Моя Голгофа — скучные строфы
На пепелище чужой надежды.
Не по размеру мои «одежды»,
Но крик о жизни — по «катастрофе».
Я захлебнулся нездешней высью,
Да только разум пассивной рысью,
Отстал в погоне за чем-то дальним,
Потусторонним, зодиакальным...
Своей Голгофы не меньшей частью
Я со вселенной в родстве — по масти.
Хотите — верьте, хотите — смейтесь,
Но безучастно молчать не смейте!
И я вгрызлся своим участем,
Не раз в твердыню чужого счастья,
Но чьи-то мерки мне не по силам,
Меня сгоняли, но голосили:
«Твоя Голгофа не больше кухни,
Но свет на кухне да не потухнет!
Да не остынешь любовью к жизни,
Коль будешь жизни самой капризней!»
Мои «высоты» превыше смерти.
Хотите — смейтесь, хотите — верьте!
Кому-то небом клянусь за штофом:
— Моя Голгофа...

НЕДОЛЮБОК

Отзвонив вечернюю поцелуев
С колокольной нежностью своей,
Одиночно ночь напрополую
Не вини, не плачь, не сожалей,
Что ушла, обиженно разомкнув,
Постигать залистанные сны,
Запустив в зашторенные окна,
Напоследок яблоко луны.
Ты прости мне странную немилость,
Улыбнись, подумав обо мне,
Что моя нечаянная стылость —

Февраль прелюдия к весне,
Что душа чужая — не котомка,
Коль своя порой не простила.
Затерялся в этаких потемках,
Заплутав, отчаялся и я.
Ты приснилась мне нынче, во спасенье,
На кресте прощенья умереть,
И воскреснув, на невоскрешеные
Колокольной нежностью ответь.

МОЛЧАНИЕ О ...

Ты просто чудо естества,
Вторая крайность от «начала»,
Всю ночь загадочно молчала,
А мне не плакалось едва.
А я взгляделся в тишину,
В порыв твоей нескрытой тайны.
Я чутко вслушивался, в случайных
И вечных мыслей глубину.
Еще не зная обо мне,
Ты принимала отчужденно,
Таких же вот, как я, влюбленных,
Взахлеб внимавших тишине.
Тебя, такую, понимая,
Какая ты была и есть,
Воспримет кто-нибудь за лесть,
Сиeminutno, постоянно,
В загулах — девой бёз изъяна,
Блудницею под паанджой,
И чем-то ТАМ без окончанья,
И чем-то ЗДЕСЬ, такой простой,
За платанической чертой,
В твоем негаданном молчанье.
Ты просто чудо естества.
Да разве ты об этом знала?
Всю ночь загадочно молчала,
А мне не плакалось едва.

Анастасия ТЕРЕНТЬЕВА
пишу я только лишь о том...

Я не пишу уж о любви,
Все это кануло в былое.
С прощальным криком журавли,
Уносят боль мою с собою.
Я не пишу уж о мечте,
Все оказалось ложной тенью.
С прощальным криком в высоте
Гусей пронесся клин осенний.
Я не пишу уж о судьбе,
Давно ее предначертали.
Прощальным криком о себе
Две песни лебединой стаи.
Пишу я только лишь о том,
С годами жизнь добрей едва ли,
С прощальной грустью о былом
Над речкой чайки пролетали.
Пишу я только лишь о том,
Что нету места злу и мести.
Победным кличем грянет гром
Во славу совести и чести!

УЖ НЕ ЛУЧШЕ ЛИ БЫТЬ СОБОЮ

Не зови ты меня, дорога,
Не мани теплым ветром, весна,
И в моем сердце обид так много,
И от горечи не до сна.
Все, что Бог сотворил на этом свете:
Жизнь и смерть, ад или рай, трон и суд —
Все и всех одинаково встретит
В мире том, что погостом зовут.
Так зачем притворяясь кривляться
Без того измельченной душой?
Лучше быть, красивее казаться
В этой жизни такой небольшой.

Уж не лучше ли быть собою,
И не тлеть, а сгореть по утру.
Пусть не с легкой, но все же судьбою,
Чем смердить без судьбы на ветру.

ТЕБЕ СЕГОДНЯ ВОСЕМНАДЦАТЬ

Тебе сегодня восемнадцать,
А ты грустишь, как никогда,
И никому не догадаться,
О чем печаль в твои года.
Дни пролетят, промчатся годы,
Но дату юности своей
Ты в сердце сохранишь надолго,
За то вино себе налей.
Налей и выпей без остатка.
Как чистый лист твоя душа,
И если так, то все в порядке,
Ведь жизнь и вправду хороша!
И не жалей в свой день рожденья,
Что столько впереди дорог,
Напутствуем благословеньем,
Когда ты выйдешь за порог.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Мне часто вспоминаются дороги.
Бегут, торопятся сосновые леса.
То в малице сижу я на пороге,
То бегаю смотреть на чудеса.
Зимой над лесом солнца шар садился,
Казалось небо чашею пустой,
За горизонтом, чуть бледнея, лился
Закат вечерний, ало-золотой.
Меня пугал он, жутко становилось,
Когда темнело небо, и кругом —
Ни звука, только где-то вилось
Седое облачко над гаснущим костром.

Так было: все на лесозаготовках,
Потом уж было ясное, другое...
Далекие рассеялись зимовки,
И всплыло лето, солнцем залитое.
Захаровские вспомнились «Огнища»,
Ночные разговоры пастухов,
Когда перед дождями духотища,
Да нудный рой жужжащих комаров.

РОССИЯ

У девчонки — глазища синие,
А зовут ту девчонку — Россиею.
В платье ситцевом,
Спелым колосом
Золотистые пахнут волосы.
Ранним утром она просыпается,
Родниковой водой умывается,
И приходит к ней на рассвете
От полей и тайги юный ветер.

КАРТИНА

За окном рябины,
За окном березы,
На стекле морозы
Сотворили розы.
Занавесь в горошек
И в кути икона,
В кадке медный ковшик
Утицею тонет.
По углам скамейки
С белизной столешен,
Рукомойник — лейка
У печи подвешен.
Кисло пахнет щами,
Караваем хлеба,
Терпкими дровами,
И налипшим снегом.

Пахнет той хозяйкой,
Что грибы солила,
Выстиранной майкой,
Земляничным мылом.
Даже пахнет утром,
Даже чем-то мудрым,
Даже пахнет ветром,
Даже словом умным.

УСТЬ-ЦИЛЬМА

Где сливается Печора с устьем Цильмы,
Где зимой сугробы намело —
С детства мной любимая Усть-Цильма —
Русское старинное село.
До Архангельска как будто верст немало
Дед по тракту хаживал пешком.
Шел с обозом, рыбы вез навалом
Да пушнины с чепушным мешком.
Из Усть-Цильмы девять лошаденок,
И на кажду тройку мужичок.
Шел обоз с рассвета до потемок,
А назад — товару сундучок.
Голод был, и война, и разруха,
Я еще тогда не родилась.
Мне о том поведала старуха,
Что Огрушкой Костихой звалась.
Ну, Огрушка — значит Аграфена,
Костиха — то мужнина жена.
Память бабушки моей нетленна,
Набожна, добра была, умна.
В детстве я псалтырь ее листала
И молебны слушала тайком,
Крест носила, в рай попасть мечтала
И в углу молилась босиком.
Этому не суждено уж сбыться,
Жизнь прожить — не поле перейти.
По ухабам годы вереницей
На моем изломанном пути.

Усть-цилемы нравом непокорны,
Вот и я от разинских времен.
Мало белых, много полос черных,
Корень родины моей силен.
Как давно я не была в Усть-Цильме,
На родной любимой стороне!
По течению вниз Печоры сильной,
Грусть, волной разлейся обо мне.
Хочется еще поведать слово,
Как живет сторонушка родная —
Все по городскому стало, ново,
Но обрядов старь не забывают.
В день Петров парчовые наряды
Достают из крепких сундуков,
Водят «Горку» вдоль живой ограды,
Льется песня из глубин веков.
Выходцы из нижненовгородцев,
Словно павы, женщины плывут.
Тут исконно русское слывется,
Чисто россияне тут живут.
Здесь свои обычай и нравы,
Здесь живу и я, моя семья.
Хорошо, что есть такое право,
Возвращаться в отчие края.
Кто-то вслед бросает: «Усть-цилемка».
Принимаю это я, как лесть.
И горжусьозвучьем слова звонким,
Ведь у нас село такое — есть!

Милица ХОЗЯИНОВА

Я очень ясно помню первый год:
И август, и далекую дорогу,
Пыль за машиной, резкий поворот,
То смутную надежду, то тревогу.
Навстречу мчались версты и поля,
Река с ее сверкающей волною.
Мне эта незнакомая земля
Вдруг показалась близкой и родною.
Машина убегала в темноту,
Звенели песни молодым задором.
На остановках десять—пять минут
Мы спорили с «философом»—шофером.
Потом, когда совсем спустился мрак
И от реки повеяло прохладой,
На отдыхе мне не спалось никак:
Стучала в сердце озорная радость.
Накрыл шинелью, чтоб меня согреть,
Ты, мой попутчик, я не знала кто ты.
Тепло мне стало и хотелось петь
От этой неожиданной заботы.
Минул не год, а ровно сорок пять.
Я сердцем приросла к тебе, не скрою.
Земля друзей, могу тебя назвать
Моей судьбой и родиной второю.
Тебя я не устану прославлять,
Красавица Аленушка из сказки.
Спасибо, Кomi щедрая земля,
За нежность, за любовь твою и ласку.

* * *

Кохма — мой дорогой городок.
Велика ты Россия, я знаю,
Твой простор и могуч, и широк.
Где-то в центре фабричного края —
Кохма — мой дорогой городок.
Я вдали от родимого дома,
Позади много лет и дорог,

Но живет с детства в сердце знакомый
Твой призывный фабричный гудок.
Где ты, где земляничное детство,
Мир заманчивых, радужных снов?
Вспоминаю друзей по соседству,
Пестроту их вихрастых голов,
Тополей серебристые кроны.
В шумных играх завидный успех,
И секреты девчонок влюбленных,
И задорный мальчишеский смех,
И военной поры лихолетье...
Все пришлось пережить и познать.
Повзрослели до времени дети,
Помогая победу ковать.
Помню улицу юности нашей,
Деревянный родительский дом,
В палисаднике клумбу ромашек...
Как мне близок тот мир и знаком.
Жаркий всплеск комсомольских собраний,
Звуки вальса в саду городском,
Время первой любви и свиданий
Снова ожили в сердце моем.
Здесь, на Севере, часто, не скрою,
В пору белых июньских ночей
Я стремлюся к тебе всей душою,
Город юности чистой моей.
Не бродить там по тропкам знакомым,
Из ромашек венки не плести...
Мы стареем, а ты, как влюбленный,
Город мой, будь всегда и цвети.

СЕРДЕЧНАЯ ПЕСНЯ

Подружила нас песня баянная,
Увела за окопицу вслед,
Подарила любовь долгожданную,
От которой спасения нет.
Провела, закружила, опутала,
Показала нам счастья рассвет,

Позвала на дорогу попутную,
И идем мы по ней много лет.
Нет, не все безупречно, безоблачно
Было в нашей нелегкой судьбе,
Но за чувство надежное, прочное
Я всегда благодарна тебе.
Не один юбилей мы отметили,
Были радость, любовь и цветы.
Я считаю за счастье, что встретились,
То же самое думаешь ты.
Мы стареем, но это не главное,
Жизнь на убыль, к закату идет,
Только сердце, как в дни наши славные,
Молодеет, уснуть не дает.

Я ВЕРЮ

Все ромашки, ромашки, ромашки мне сняться,
Много белых ромашек на пестром лугу.
Хорошо бы вернулись мои восемнадцать
И победное лето в сорок пятом году!
Хорошо б повидаться с друзьями своими,
С кем делила нужду и тревоги тогда.
Хорошо бы опять всем нам стать молодыми,
Чтобы в сердце горела надежды звезда.
Мы себя не жалели, и в том наша сила,
Но чем дольше живем, тем трудней и больней.
Нам не спится: печалимся мы за Россию,
За нелегкую долю, что выпала ей.
С каждым годом ряды ветеранов редеют,
Но из внуков и правнуков поросль встает.
Верю я: все невзгоды они одолеют
И воспрянет для счастья российский народ.

ШКОЛЬНЫЕ ТРОПИНКИ

На земле нашей школьных тропинок так много,
Все сливаются вместе в большую дорогу,
И идешь ты по ней вдохновенно и смело,

Честно трудишься, взявшись за нужное дело.
Потому, что в начале пути, у порога,
Встретил, выучил, снова отправил в дорогу
Тот, кого называют с почтеньем «учитель»,
Тот, кто главный наставник, источник открытий.
Он живет на земле, и по школьным тропинкам
Мчатся дети к нему в городах и глубинке,
Нежно дарят цветы и несут свои беды,
И спешат разделить вместе радость победы.
Каждый год он с волнением стоит у порога,
Каждый год провожает питомцев в дорогу
Хлеб растить, возводить города и заводы,
И лечить, и учить... Так бегут его годы.
Он сначала учил озорного парнишку,
А потом у парнишки — дочурку, сынишку.
Сели внуки за парты — вы только взгляните!
От души вам спасибо, любимый учитель!
Все пути и тропинки, ведущие к школе,
Никогда не иссякнут по собственной воле.
Вечно будет учитель источником знаний,
Вечна жизнь на Земле, нет предела познанью.

РАЗ УВИДИШЬ ТЫ СЕВЕР...

Раз увидишь ты Север —
Не уедешь назад.
Что за чудо — восходы!
Что за прелесть — закат!
И такое порою сиянье в ночи!..
Хочешь — песню запой,
Хочешь — просто кричи!..
Да, на Севере холодно,
Трудно здесь жить.
Но здесь золото — люди,
Умеют дружить.
С ними вьюга — не вьюга
И темень — не тьма,
Им не страшен мороз,
И пурга не страшна.

Если сердце остынет,
Одолеет тоска,
И покажется ноша твоя нелегка:
В доме друга найдешь ты заботу, приют,
Боль разделят с тобой,
Все простят и поймут.
В доме друга оттаёт застывшая кровь..
Ты и сам щедрым будь, не скучись на любовь,
Верным будь, крепкой дружбой умей дорожить...
Вот тогда и на Севере сможешь прожить.
Ну, а если уедешь, не вернешься назад,
Вспоминай милый Север,
Золотистый закат,
Сохрани в своем сердце
Песни верных друзей,
Журавлиные крики
В пору белых ночей.

СЧАСТЬЕ

Звездочка в окошко заглянула,
Душу мне, как прежде, всколыхнула.
Вспомнились былые разговоры
О любви, о нашем счастье споры.
Годы шли, и мы не молодели,
Опытнее стали и мудрее,
Понимаем: счастье — не жар-птица,
Руку протяни — и заискрится.
Счастье в том, чтоб жить под мирным небом,
Чувствовать, как пахнет свежим хлебом.
Счастье — это ночи размышлений,
Поиски единственных решений.
Счастье — вдохновенная работа,
Труд упорный до седьмого пота,
Бескорыстие, любовь и дружба,
И сознанье, что ты людям нужен.
Счастье в том, чтоб жертвовать досугом,
Пополам делить заботы с другом,
Мужа, сына ласково встречать,

Внуков крепко к сердцу прижимать,
Чтоб повсюду радовались дети.
Счастье — это мир на белом свете.

СОДЕРЖАНИЕ:

- А. КАНЕВ. Слово к читателям.
И. ГУЩИН. И мне кажется, что сказка...
Ф. ВОКУЕВ. Пусть миром овладеет тишина ..
В. СТАНИСЛАВЧУК. О эти милые уста...
В. ИСТОМИН. Зимнее утро.
С. КАНЕВА. Звезды.
М. КАНЕВА. Поэтические россыпи.
А. КОНЬКО. Осенняя пора.
В. КОРЯГИН. Бедамельские луга.
А. ПОТАШЕВ. Восковые крылья.
А. ТЕРЕНТЬЕВА. Память детства.
М. ХОЗЯИНОВА. Сердечная песня.

МБУК "Ижемская МБС"

МБУК "Ижемская МБС"